

Рафаэль КИНТЕРО ЛОПЕС

Встреча цивилизаций или геноцид?

12 октября 1492 г. юнга на флагманском корабле Х. Колумба увидел землю. Этим днем западные исследователи датируют начало Новой истории, однако современные оценки эпохального события весьма неоднозначны. Публикуя (с некоторыми сокращениями) текст выступления в Новосибирске известного эквадорского ученого, редакция полагает, что материал дает повод для размышлений также и об истории России, и о драматизме человеческой истории вообще.

Полемика, развернувшаяся вокруг празднования 500-летия первого путешествия Х. Колумба на Американский континент, обострилась до предела. «Встреча двух культур или сопротивление индейцев?» — так поставил вопрос в своей брошюре один бывший латиноамериканский президент¹. Апологеты конкисты и колониальных устоев угрожают встретить во всеоружии индейцев, обещающих не оставить ни одного поместья на этой земле к 1992 г., т. е. к пятисотлетию начала антиколониального сопротивления.

Из множества мнений о том, как следует истолковывать военно-политическую акцию, начатую Колумбом в 1492 г., и каково ее значение в наши дни, можно выделить четыре основных, которыми и определяются четыре типа отношений к этому событию:

1. Апология европейской конкисты и колонизации новых земель.
2. Празднование самого факта открытия Америки Колумбом.
3. Прославление встречи двух культур и двух миров.
4. Чествование индейского сопротивления в пику любым другим торжествам.

Эти разноречивые, даже противоположные позиции указывают на высокую степень этнокультурной разобщенности различных социальных групп и слоев нашего общества. Множество взглядов и подходов к указанным событиям со стороны различных социальных и этнических групп, отсутствие общей оценки обусловлены скорее историческими особенностями становления национальных образований, чем сутью этих событий.

Вместе с тем при всем различии политических оценок приближающейся знаменательной даты в них есть и кое-что общее. Все они несут на себе отпечаток предвзятости, исходят из соответствующих интересов, идеологий и исторических предпосылок. В них проглядывает стремление возвысить или развенчать общеизвестные факты. Стороны ведут бескомпромиссный

¹ Hurtado O. Encuentro de Dos Cultures o Resistencia Indigena? Quito, 1990.

Кинтеро Лопес Р. — эквадорский историк и социолог, общественный и политический деятель. Автор благодарит чилийского гуманиста Г. Уидобро, а также российских латиноамериканистов С. Семенова и В. Аладына за замечания, высказанные по данной работе.

спор, слышат каждая лишь собственные аргументы и апеллируют не к обществу в целом, а к той или иной его части. Однако при рассмотрении исторического факта, оказавшего глубокое воздействие на формирование наших обществ, подобная односторонность представляется неуместной.

Необходимо более целостное восприятие предстоящей знаменательной даты, осмысление ее не «по-креольски» или «по-индейски», не «по-европейски» или «по-латиноамерикански», но во всеобщем, глобальном плане.

Однако перед тем как высказать свои соображения на сей счет, приведу краткую характеристику четырех вышеуказанных подходов, имеющих приверженцев на разных континентах.

Апология конкисты и колонизации

Эту позицию поддерживают группы, относящиеся к латиноамериканской знати. Существует ли еще таковая? Да, поскольку социально-экономическая структура, уходящая корнями в колониальное прошлое, еще до конца не исчезла из нашей действительности (ярким примером тому является устаревший режим землевладения). Это отряды «Традиции, Семьи и Собственности», политические партии крайне правого направления, выступающие за неизменность универсального порядка и считающие любые перемены святотатством. Эти силы превозносят конкисту как всемирно-исторический факт; в их глазах авантюристы-завоеватели выглядят героями; они готовятся отметить день открытия Америки — 12 октября 1992 г. — как «День испанского духа»². Значение слов «цивилизация» и «прогресс» понимается этими группами очень узко.

Апология конкисты, отодвинутая на обочину истории общим стремлением к демократии как в Латинской Америке, так и в Испании (где она также встречает сопротивление), проистекает из учения, созданного для защиты интересов связанных с франкизмом монопольных групп и используемого в Латинской Америке для уничтожения исторической памяти народа. Празднование годовщины конкисты антидемократично, так как это явление ознаменовало начало иностранного господства над древними народами Латинской Америки, разрушение значительной части ее культурного наследия. Латиноамериканцы никогда не смогут восстановить и развивать дальше свою самобытную культуру, если будут считать испанские, португальские, французские, английские или голландские наслонения определяющими факторами и не очистят ведающие культурой государственные органы латиноамериканских стран от проявлений этой политики, в прошлом проводившейся европейским фашизмом для обеспечения своих экспансионистских целей.

Для того чтобы раскрыть подлинные теоретические и исторические корни данного подхода, позволю себе привести пространную цитату из книги «Гитлер о Латинской Америке». Речь идет о документе нацистского министерства пропаганды, обнаруженном после войны, в котором повествуется о народах Латинской Америки: «Противоположность между слоем белых конкистадоров и местным населением... не дает возможности говорить о народах в Южной Америке... Не существует южноамериканских народов, есть южноамериканское население. Следовательно, не могут существовать и национальные южноамериканские государства в европейском смысле слова — речь может идти лишь с государствах, основанных на общности колониальных и экономических интересов».

«Не стремление народа к национальной свободе, а расплывчатый демократический идеал «свободы как таковой» послужил знаменем восстания испанских колоний; если в каком-либо месте бунт можно считать неоп-

² 12 октября отмечалось раньше в Испании как «День расы», а до 1987 г. — как «День испанского духа». В 1988 г. в Каталонии возникли инциденты в связи с официальным празднованием этой даты.

равданным, то речь идет о Южной Америке... Симон Боливар должен рассматриваться сегодня... как «бунтовщик против Европы».

«В общих чертах о Южной Америке можно говорить как о земле без хозяина, которая лишь ждет возможности попасть под чье-либо активное управление: южноамериканские страны были, есть и будут колониальными территориями. Единственный вопрос заключается в том, кто будет ими владеть... Там нельзя развернуть национальное сопротивление, так как в Южной Америке нет народов. Ожидать возрождения индейцев бесполезно, так как у этой расы нет никакой перспективы. Выковать новый народ из метисов юга Бразилии — это удел Стефана Цвейга...»³

Пожалуй, трудно выразить идею с большей ясностью, чем это сделано в документе, который перед второй мировой войной распространялся по всем германским дипломатическим представительствам в Южной Америке. Нацисты приспособили расистскую идеологию к конкретным историческим и географическим условиям Латинской Америки и координировали свою деятельность с правительством Муссолини в Италии и правительством Франко в Испании. Надежда на сотрудничество с франкистской Испанией при достижении политических целей в Латинской Америке была важным подспорьем для германского фашизма (хотя Испания и объявила о своем «нейтралитете» в мировой войне). Франкизм разработал идеологию «испанского бытия», которая с имперскими претензиями насаждалась в некогда завоеванной Америке. Так называемая Испанская традиционалистская фаланга наметила принципы отношений, которые она собиралась установить с Латинской Америкой. Во втором пункте ее программы можно прочесть следующее: «В испаноамериканских странах предполагается унификация культуры, экономических интересов и власти. Испания исходит из своего статуса духовной оси испаноговорящего мира и заявляет о преимущественном праве решать его дела»⁴.

Таким образом, на весь мир без стеснения декларировался факт, который открыто никогда не признали бы латиноамериканские почитатели фаланги, а именно — то, что условия жизни определяют сознание и что идеи фашизма относительно Южной Америки порождались материальными интересами. Известно упорство, с которым режим Франко повторял тезис об «утраченной испанской империи в Америке и Азии».

Подобные, казалось бы устаревшие, высказывания не ушли навсегда в историю. Они до сих пор живут в сознании и менталитете значительных социальных групп в Латинской Америке. Несколько лет назад на форуме, посвященном национальной идентичности латиноамериканцев, который проходил в Кито, один интеллигент, известный своими правыми взглядами, говорил о поддержке течения, «которое видит в конкисте корни величия наших народов...»⁵. Работы Хорхе Луиса Ромеро и Симоны де Бовуар о правых в Латинской Америке и в Европе подтверждают существование этой тенденции⁶.

Празднование открытия Америки Колумбом

В данном случае речь идет об утверждении, что в 1492 г. Американский континент был «открыт», так как был неизвестен европейцам.

В своей прекрасной биографии Х. Колумба советский писатель Я. Свет отмечает, что Колумб «не был первым европейцем, ступившим на американскую землю»⁷. Это действительно так. Норманны в IX в. достигли

³ Цит. по: K a t z F. «Algunos rasgos esenciales de la política del Imperialismo alemán en América Latina de 1898 a 1941». En: Hitler sobre América Latina. México, 1968, p. 78.

⁴ Цит. по: «Calentana», Revista Sur, Año VII, octubre 1937, p. 105.

⁵ Речь идет о выступлении Х. Луны Иепеса за «круглым столом», состоявшемся 4 декабря 1988 г. в Кито. На этом мероприятии Х. Луна предегашшл... Национальную академию истории.

⁶ См. Jorge Luis Romero. El Pensamiento Político de la Derecha Latinoamericana. Buenos Aires, 1970; Simone de Beauvoir. El Pensamiento Político de la Derecha. Buenos Aires, 1969.

⁷ См. S v e t . Y. Cristobal Colon. Moscú, 1987.

Исландии, а в X в. появились уже в Гренландии, относящейся к Америке, затем прибыли в Винланд (часть восточного побережья Северной Америки, лежащая между Лабрадором и Новой Англией). Известно, что Л. Эриксон дошел до Винланда в 1000 г.— возможно, он побывал там на десятилетие раньше, чем викинг Б. Херульфсон. На острове Ньюфаундленд у берегов Канады было обнаружено скандинавское поселение, основанное на несколько веков раньше путешествия Колумба, который, таким образом, вовсе не первым из европейцев прибыл на американскую землю.

Отмечая это, Я. Свет пишет, что колонии норманнов были открытием, «о котором никто не узнал»: известия об экспедициях в Гренландию и Винланд распространялись лишь по скандинавским землям и не оказали никакого влияния на развитие географической науки в средневековом мире. Исходя из этого, а также опираясь на данные специалистов по истории географических открытий И. Магидовича и М. Когана, биограф Колумба утверждает, что, хотя Колумб не первым побывал в Америке, именно он «сделал это великое открытие» Его подробная аргументация сводится к следующему.

В 1491 г. Европе были неизвестны обширные земли, лежащие за Атлантикой, а также многочисленные большие и малые острова. В 1493 г. Европа получила первые сведения об американских землях; через 25 лет на картах появились четкие контуры Нового Света и к трем известным с незапамятных времен континентам прибавился четвертый, совершенно незнакомый географам древности.

«Итак,— пишет Свет,— можно утверждать, что открытия, сделанные Колумбом в 1492 г., имели всемирно-историческое значение, поскольку они почти удвоили Ойкумену, дав ей новый континент, до сих пор совершенно неизвестный европейцам»⁸.

Данная реконструкция, весьма типичная для тех, кто разделяет подобную позицию, выполнена автором на основе европейских источников, однако она игнорирует рассмотрение указанных событий коренными жителями Америки. Так, например, утверждая, что колонии норманнов представляли собой находку, о которой никто не узнал, автор имеет в виду исключительно европейцев и совершенно не берет в расчет народы, жившие на Американском континенте. Точно так же при утверждении, что известия об экспедициях в Винланд распространились лишь по скандинавским землям, игнорируется то обстоятельство, что это событие могло оставить после себя заметный след в Америке. Похоже, что некоторые центральноамериканские и андские мифы и легенды (например, ацтекский миф о Кетцалькоатле или распространенный в Северных Андах миф о «гигантах с кожей молочного цвета») повествуют о путешествиях норманнов и (или) скандинавов за несколько столетий до похода Колумба.

Очевидно, что рассуждения подобного рода грешат евроцентричностью. Если уже больше тридцати тысяч лет назад континент начал заселяться разными народами, время от времени приходившими с других континентов, в основном из Азии, и если в момент прибытия Колумба население континента достигало приблизительно 100 млн человек, цивилизационное развитие которых находилось на различных этапах, то почему бы не предположить, что эти народы имели представление о своей эволюции и о появлении на своих землях пришельцев из других миров?

На самом деле за подобными рассуждениями скрываются отрицание исторического статуса народов, цивилизаций и культур, существовавших на Американском континенте в доколониальный период, идея включения Америки во всемирную историю с момента ее «открытия» Колумбом.

Подобная евроцентрическая концепция далеко не научным образом классифицирует народы мира на «исторические» (в данном случае европейцы,

⁸Ibid, p.296-297

испанцы) и «народы без истории» (американские индейцы). С этой точки зрения история народов, насчитывающая не одно тысячелетие, преспокойно перемещается на другой континент и произвольно привязывается к другим истокам.

В течение длительного времени латиноамериканцев хотели таким образом лишить исторических корней, превратить их в народ без собственной идентичности. Мы с полным основанием можем заявить, что римляне, вторгнувшись в Европу, не «открыли» ее; то же относится и к европейцам, завоевавшим Американский континент.

Наконец, речь здесь идет и о моральной проблеме, затрагивающей сущностный характер европейской цивилизации. Человек может открыть для себя что-либо, но нельзя говорить об «открытии» или «изобретении» человека в смысле придания ему статуса объекта. Человек может встретить другого человека, но он не может «изобрести» его (или «открыть»). Данная проблема носит морально-этический характер, так как, говоря об «открытии» континента, населенного людьми, мы смешиваем социальное с природным. Подобное смешение, по сути, оправдывает насилие в отношении людей со стороны европейской цивилизации, не имеющей привычки жить в гармонии с природой.

Прославление встречи двух культур и двух миров

Представители данного подхода ставят акцент на том, что с 1492 г. началась встреча двух цивилизаций, которые стали оказывать взаимное влияние друг на друга. Этот подход признает историческую правду о первоначальном открытии континента, которому в 1538 г. фламандский картограф Г. Меркатор дал название «Америка», о крупных миграционных волнах, накатывавшихся на него в течение приблизительно тридцати тысяч лет. В результате на континенте, заселенном от Аляски до Огненной Земли, появились цивилизации, достигшие различных уровней развития. Некоторые из них, например ацтеки и инки, имели развитое сельское хозяйство, вели оседлый образ жизни, располагали широкими знаниями в области астрономии и математики, создали крупные города — Куско, Мехико-Теночтитлан, а также достигли высокой степени общественного разделения труда. Проведение юбилейных мероприятий под знаком встречи двух миров получило широкую поддержку, прежде всего на государственном уровне, на разных континентах и является официальным наименованием предстоящих торжеств в Испании и во многих странах Латинской Америки. Соединенные Штаты, Канада, Франция, Англия, Португалия также намереваются отметить предстоящую дату в подобном ключе, хотя здесь и появляются официальные документы, в которых заявляется об «открытии». В СССР в 1990 г. была образована комиссия «Встреча двух миров» и было заявлено об активном участии в праздновании «500-летия открытия Америки».

Как уже отмечалось выше, люди могут говорить о встрече между собой. Однако в данном случае возникает вопрос о том, может ли рассматриваться все пережитое европейцами и американцами с 1492 г., в частности завоевание и колонизация континента, как встреча. Приведу всего один пример. Разве Э. Кортес в 1521 г. направлялся на встречу с народом Мехико-Теночтитлана? Своей экспедиции, снаряженной против этого народа, он распорядился придать «десять судов... которые должны были перевезти немногим более пятисот солдат... шестнадцать лошадей, тридцать два арбалета, десять бронзовых пушек, а также еще немало артиллерийского вооружения меньшего калибра»⁹. С точки зрения американских народов, речь идет о «столкновении с людьми из Кастилии», которых древние обитатели континента

⁹Portilia M. L. Vision de los Vencidos. Madrid, 1985, p. 12.

называли «пополокас» (варвары). Мексиканский историк М. Л. Портилья с полным основанием говорит о «сшибке народов и культур». Несколько веков назад испанский гуманист Б. де лас Касас, явившийся живым свидетелем конкисты, называл этот процесс «противостоянием».

Видимо, не следует использовать здесь эвфемизм и говорить о «встрече». Эту мысль выражает Э. Дуссель: «Встреча есть результат движения двух человек друг к другу при условии свободы и взаимного расположения. Один идет к другому, зная, что другой также идет к нему, признавая его равным себе, уважая его достоинство. Если же речь идет о неравенстве — в том смысле, что один человек намеревается сделать другого объектом эксплуатации,— то это уже не встреча»¹⁰.

Очевидно, что захват в плен инки Атауальпы конкистадором Ф. Писарро 16 ноября 1532 г. на площади в Кахамарке не может быть назван «встречей»; это слово не подходит и для обозначения сдачи испанцам Мехико-Теночтитлана 13 августа 1521 года.

Было бы ошибочным думать, что празднование юбилея под знаком встречи двух культур и двух миров должно относиться лишь к событиям пятисотлетней давности. Этот феномен имеет более глубокое содержание, включающее также и длительный процесс слияния двух культур. Это было убедительно показано советской латиноамериканистикой.

Видный советский латиноамериканист С. Семенов блестяще защищает данный тезис, придавая «встрече» или «стыковке» двух миров миротворческий характер и рассматривая этот исторический факт с точки зрения универсальной культуры с проекцией его на наше время. Он считает, что эта встреча позволила человечеству осознать себя в качестве единого целого и не привязывает ее к какой-то конкретной дате, а рассматривает как процесс, доходящий до наших дней.

«До сих пор,— пишет Семенов,— основное внимание историков сосредоточено на колонизации Америки, анализ которой дается либо в формационном (в марксистской литературе), либо в теологическом ключе... При этом остается в тени цивилизационный срез исторического процесса. Если же взглянуть на него под этим углом зрения, то обнаружится, что пограничная испанская культура, продукт средиземноморского, евразийско-африканского культурного синтеза, явилась системообразующим пластом в латиноамериканской культуре, точнее в культурно-историческом ибероамериканском синтезе-симбиозе»¹¹.

«Испаноязычной культуре как культуре пограничной (ее аналоги, например, российская и балкано-дунайская) свойственна соборность, выражающая идею культурного синтеза-симбиоза. Соборность вытекает из христианской и глубже — эллинистической традиции, обогащенной историческим опытом пограничных народов на стыках миров, цивилизаций. Таким образом, соборность, если ее демистифицировать,— не уникальное явление богоизбранного этноса, а продукт всемирной культуры, всемирно-исторического опыта разных народов»¹².

Представляется, что в данной аргументации также прослеживаются евроцентристские концепции, вплетенные в более широкую картину, в которой «встреча» предстает в качестве целостного универсального явления. Однако ясно, что цивилизаторский аспект этого исторического события, выделяемый автором аналитический уровень прочитываются им в контексте одной культуры, а именно испанской, за которой закрепляется способность к синтезу-симбиозу, детерминированному некоей сущностью данной куль-

¹⁰D u s s e l E. «Del Descubrimiento al Descubrimiento». En: B e n e d e t t i M. et al. Nuestra America y el V Centenario. Quito, 1990, p. 82.

¹¹Семенов С. Пограничная культура во встрече миров. «Латинская Америка», 1990, № 8, с. 80—81.

¹²Там же, с. 81.

туры (христианско-эллинистической традицией). Что касается культур коренных народов, которым отказано в достоинствах «пограничных» обществ, то они рассматриваются лишь в качестве компонентов, дополнивших формирование латиноамериканской культуры. Таким образом, обходится то обстоятельство, что коренные американские культуры также обладали достоинствами и способностью к синтезу-симбиозу, получали поддержку со стороны государства. Так было с культурой гуарани в Парагвае; подобные примеры характерны для многих других регионов и целых стран континента, где несмотря на культурный диктат Бурбонов в конце колониального периода сохранились культуры коренных народов, обладающие огромным потенциалом.

Чествование индейского сопротивления завоеванию и колонизации

Капиталистическое развитие Европы, и в частности Испании, дало возможность установления господства над народами, населявшими континент, который на местном языке назывался Абийя-Йала и эволюция которого в цивилизационном плане отличалась от европейской.

Этот факт стоит подчеркнуть, поскольку тот, кто забывает его, рискует впасть в восхваление конкистадоров, даже сам того не желая. О. Уртадо, например, пишет: «Себастьян де Беналькасар начал завоевание территории Кито, имея 290 солдат, а Дьего де Альмагро — 30. У Педро де Альварадо было 50 солдат. Приблизительно две тысячи испанцев за шестнадцать лет конкисты подчинили себе 500 тысяч индейцев на территории, ныне занимаемой Эквадором»¹³. При таком подборе фактов упускаются некоторые вещи.

Не говорится, например, что в начале XVI в. материальная культура древних народов Эквадора находилась на пути от неолита к медному веку. У них не было домашнего скота, они не использовали колесо ни для транспортировки грузов, ни в ирригации. Плуг был неизвестен. Транспортировка осуществлялась исключительно силами людей.

Однако те же самые народы, чьи предки открыли и заселили страну более десяти тысячелетий назад, в результате своей исторической эволюции образовали настоящую многоцветную мозаику. Ее составили отдельные народности, подвластные касикам (вождям) территории, а также родовые общины, сосуществовавшие с племенами, уже имевшими социальную дифференциацию. Североамериканский антрополог Ф. Саломон справедливо отмечает необоснованность утверждений о том, что политическая жизнь территорий, подвластных касикам, была «проще», чем жизнь государств. Он указывает, что процесс самоуправления и организация жизни людей, над которыми не господствовал никакой властитель, были весьма сложными, и признает вероятность поддержания определенной стабильности и порядка¹⁴.

Пять тысяч лет назад в древних обществах Эквадора уже появились сельское хозяйство и гончарное дело. Целый ряд общин достигли в своем культурном и этническом развитии определенных форм государственной политической организации на основе возникновения общественных классов, «что указывает на начало формирования раннеклассовых государств (Манта, Пуна, Атакамес, Каньяри, Пуруа, Каранки)»¹⁵. Этот недостаточно изученный древний «индейский» Эквадор мог обладать населением в миллион

¹³Цит. по: El Poder Político en el Ecuador. Quito, 1977, p. 7. В 1990 г. тот же самый автор писал: «Не более чем несколько сотен испанцев, по-моему, около 1000, завоевали территорию Эквадора, которая тогда, по оценкам, была заселена приблизительно полумиллионом человек» (H u r t a d o O. Op. cit., p. 14).

¹⁴См. Los Senores Etnicos de Quito en la Epoca de los Incas. Otavalo, 1980, p. 29.

¹⁵Gonzalez V. «En la Desintegración Gentilicia a la Esclavitud Patriarcal en el Ecuador». En: E l i z a l d e G. El Estado en las Nacionalidades Aborigenas. Guayaquil, 1981.

жителей¹⁶, в то время как совокупная территория Тауантинсуйу в Андах, по-видимому, имела население в 10 млн человек, что приблизительно равно численности населения, проживавшего на нынешней территории России к 1000 году.

Как оценить уровень цивилизационного развития этих культур? Известно, что андские государства могли прокормить 10 млн своих жителей, так как распространили земледелие на горные районы, усовершенствовали выращивание кукурузы и картофеля, построили и поддерживали на должном уровне дороги и другие сооружения, развили выпас скота на высокогорных пастбищах. Их материальное развитие в то время было довольно высоким. Весьма важно и то, что они в значительной степени развили государственную организацию в виде сложной политической имперской структуры.

По моему мнению, становление классово-политической структуры общества позволяет сделать вывод о том, что последнее вступает на порог цивилизации. Так, например, самым важным следствием господства инков над североандским регионом (речь идет о нынешней территории Эквадора в 1460—1526 гг.) явилось достижение определенного политического единства, что впоследствии сыграло важную роль в процессе европейской конкисты и колонизации. То же самое случилось и в Центральной Америке. Это единство сложилось на основе формирования экономической инфраструктуры крупномасштабных общественных работ (строительства оросительных систем, укреплений, налаживания транспорта и связи, ведения земледелия на уступах горных склонов и т.д.). Раньше этого не было. Теперь система контролировалась местной индейской знатью, которая облагала налогами индейцев. Это способствовало укреплению деспотического государства, которое могло лучше использовать рабочую силу подчиненных общин. Степень развития, достигнутого в этом направлении до прихода инков-кечуа и во время инкаизации, оказала непосредственное воздействие на создание условий для колонизации.

Война, уничтожение индейского населения¹⁷ и его культурного наследия, грабеж, разбой и одновременно с этим союзы с касиками и местными правителями, раскол коренных народов, использование существовавших между ними противоречий — все это составило существенную часть военно-политической конкисты, которая во многих краях оставила лишь обломки и осколки от жизненного уклада древних обитателей Америки. Не следует забывать, что европейцы завоевали континент, используя наиболее передовое военное снаряжение того времени — аркебузы, арбалеты, а также лошадей, военного применения которых индейцы не знали.

Однако вся история конкисты и колонизации сопровождалась индейским сопротивлением, значение и масштабы которого никогда не забывались на Американском континенте.

Вместе с тем в Латинской Америке мало было сделано для полного освещения этого исторического факта. Чествование индейского сопротивления — это, по словам Голеано, дань памяти побежденных. Тезис о сопротивлении признает роль угнетенных в деле защиты их земли, культуры, достояния.

Тезис о чествовании индейского сопротивления, разделявшийся до поры в основном индейскими организациями, по праву завоевывает все больше

¹⁶Данные о том, что во время испанской конкисты население Королевства Кито насчитывало около миллиона человек, подтверждаются исследованиями, осуществленными Х. Бургосом в Генеральном архиве Индий Севильи, в США, Италии и Испании.

¹⁷А. Ортис в статье «Капитализм и этноцид» приводит факты уничтожения индейцев вследствие конкисты: «В начале XVI в. на Американском континенте от Аляски до Огненной Земли насчитывалось приблизительно 100 млн жителей, из которых 10—12 млн населяли территорию сегодняшних Соединенных Штатов. По официальной переписи 1980 г., от них остались едва 230 тысяч». Цит. по: В e n e d e l l i M. et al. Nuestra America y el V Centenario. Op. cit., p. 192. Согласно Ноаму Хомски, полтора века спустя после конкисты «исчезли почти сто миллионов людей». См. Ibid., p. 204.

сторонников. Кроме того, эта идея позволяет воспринимать латиноамериканские общества как многоэтнические, многообразные, многокультурные и сформировать проект развития нации, характеризующийся многообразием. Овладение культурным наследием древних народов означает более высокую степень глобального видения многообразного мира, в котором мы живем.

© Р. Кинтеро Лопес, 1992

© С. Оболенский — перевод на русский, 1992